

Семейный альбом Женовача

Новый московский театр заставил зрителей сопереживать

КАТЕРИНА АНТОНОВА

В конце минувшей недели состоялась первая премьера московского театра «Студия театрального искусства» под руководством Сергея Женовача. Над постановкой спектакля «Захудалый род» работали с сентября прошлого года, и не зря: спектакль сделан с редкой по нынешним временам подробностью, проработанностью каждой секунды действия, на которой зрителям предлагается не развлекаться, но сопереживать и думать.

Требуется много, очень много сил, чтобы делать то, во что на самом деле веришь. Особенно в театре. Особенно в современном, основной вектор которого – касса. Сергею Женовачу и его «Студии театрального искусства» хватает для этого мужества. И обстоятельства жизни нового театра складываются, к счастью, так, что он имеет возможность осуществлять свои мечты. Театр ориентирован не на развлечение, а на работу души и сердца.

После спектакля «Мальчики», с которого и началась два года назад слава тогда еще гитисовского курса Женовача, эксперты назвали молодую труппу «душевым театром». Это словосочетание точно отражало главный интерес

режиссера в театре – к человеку, к его внутренней жизни, к малейшим движениям его души. «Душевный» – значит камерный, лишенный внешнего пафоса театр, где не сражают наповал эффектами и блеском, но общаются о том, что важно и интересно.

В основу спектакля «Захудалый род» – первой «взрослой» премьеры, которую группа Женовача выпустила в статусе московского театра, лег малоизвестный роман Николая Лескова «Захудалый род». Имена персонажей и фамилии актеров в программке не набраны типографским шрифтом, но как бы написаны от руки, причем что-то зачеркнуто, что-то поправлено, и все эти поправки сразу, еще до начала действия вводят зрителя в атмосферу семейную и в состояние размышления.

Так и происходит: на пустую сцену выходит молодая женщина (Анна Рудь). В руках у нее тетрадка со множеством вложенных в нее листков. Женщина эта довольно долго собирается с мыслями и потом начинает рассказывать: «Род наш, князей Протозаровых, один из самых древних в России». Это внучка главной героини. За ней стена, в которой как на сильно увеличенном листе старого альбома для фотографий чуть позолоченные прорези для карточек: одна овальная, а вот – круглая. Только эти прорези почти в рост человека. И постепенно в рамках появляются люди. Застывают в картинных позах, а потом

оживают, переходят из одной рамки в другую, вовсе выходят из «альбомного листа». Становятся совсем живыми. Перебивают рассказчицу, уточняют, комментируют. Живут.

Все персонажи «семейной хроники» сыграны актерами в равной степени подробно и забавно, каждому придуманы занятные характерные черточки, от чего в спектакле появляется легкость, в зале смеются, а актеры на сцене куражатся. Однако при всей театральной забавности действия каждое движение персонажей, каждая их реакция, каждое событие отыграно всеми актерами, разобрано режиссером досконально. Хотя четыре часа для спектакля – это много, да и репетировать его больше полугода по нынешним временам почти непозволительная роскошь, но Женовачу важна именно подробность. Поэтому на историю про влюбленность горничной (Ольга Калашникова) отведено чуть не двадцать минут сценического времени. И сначала думаешь – зачем? Что это дает для основной линии сюжета – рассказа о семье Протозаровых? А потом понимаешь, что влюбленность-то эта у горничной была одна только в жизни, и больше не было, а она женщина, и как расскажешь о женщине, о ее характере, не рассказав о ее влюбленности? Ведь Женовач ставит меньше всего сюжет, он рассказывает о человеческих душах, и это и есть основная линия его театра и этого спектакля в частности.

Нобле Ульберг - 2006 - 30 мар 05.